

К О Р Н И

— МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ —

За высокими окнами музея-квартиры народного художника СССР Моисея Ивановича Тондзе бурлит утренний Тбилиси. Небольшой переулочек Грибоедова тут вливается в главную артерию города — проспект Руставели. И многоголосый, разноязычный, пестрый поток пешеходов на их стыке, приостанавливаясь, втягивается под своды знаменитого павильона «Воды Лагидзе», где можно передохнуть, выпить вкуснейшей газированной воды, отведать горячих хачапури. И идти дальше под семью резной листьев платанов...

Комнаты музея-квартиры увешаны картинами и этюдами самого академика и сына его — тоже прекрасного художника — Ираклия Тондзе; есть здесь и знаменитый плакат Ираклия, написанный в грозные для страны дни, в самом начале войны с фашистской Германией — «Родина-мать зовет», который, став поистине хрестоматийным, конечно же, знаком каждому из нас.

Брожу по этим мемориальным комнатам, ощущая почти физически их музейную невозмутимость, отрешенность от шумной уличной суеты, и слышу из-за распахнутых дверей голос Гиви Тондзе. Он, вспоминая, рассказывает сотруднице музея, как еще студентом художественного училища имени Якова Николадзе прибегал в этот дом каждое утро с котелком хаши — наваристого бульона из мясных отходов, что в тбилисских хашных варят по ночам, и кормил своего большого деда; и после занятий возвращался сюда же, чтобы чем-нибудь помочь, и если у Моисея Ивановича были силы, он непременно просил Гиви показать, что рисовали в училище, а потом требовал краски и заставлял внука писать под его наблюдением. Именно уроки деда тех лет, в конце сороковых — начале пятидесятых годов, помогли молодому художнику осмыслить главное для него в живописи: что писать, для чего писать и как писать... И не здесь ли нужно искать истоки его высокого уважительного отношения к традициям национальной грузинской живописи, следование которым не только не мешало, а, наоборот, наполняло светом большой духовности, человеколюбия многие его новаторские по содержанию и способу выражения работы?

Но все-таки еще несколько слов о деде.

Давно это было. Никому не известный паренек из Грузии, крестьянский сын, подвижный фанатичной преданностью живописи, в один из промозглых петербургских дней с утра до вечера просидел на ступенях лестницы, дожидаясь известного в России художника Илью Ефимовича Репина. К Репину у него было письмо от писателя Максима Горького, который просил мастера обратить внимание на талантливого юношу-самородка...

Илья Ефимович, как это было свойственно его жизненным принципам и подвижническому характеру, взял Моисея Тондзе под свое заботливое крыло и в дальнейшем, чтобы поддержать материально успешно занимавшегося юношу, поручал ему писать «заказные» копии своих картин. Известно, что молодой ученик-кавказец служил ему «моделью» при работе над головой Христа.

На родину, в Тбилиси, Моисей Иванович вернулся худож-

ником-реалистом, продолжателем идей и традиций передвижников, и при его содействии состоялись первые передвижные выставки живописи в Грузии, он был в числе организаторов и первой в Тбилиси учебной художественной студии. Вместе с другими революционно настроенными деятелями культуры Моисей Иванович утверждал национальные основы агитационного, вызванного велением эпохи, искусства, оставил после себя в истории отечественной живописи мощный, самобытный пласт яркого, образцового к жизни народа художественного станкового письма...

Что же касается Гиви Тондзе, заслуженного художника Грузинской ССР, двоюродного внука Моисея Ивановича и племянника Ираклия Тондзе, то, надо сказать, несмотря на такое примечательное родство, шел он в творчестве своим, самостоятельным путем.

Он принадлежит к поколению художников, которые профессионально заявили о себе в начале шестидесятых годов. Что стояло за ними? Конечно же, война, оставившая в сознании глубокий след, юность, выпавшая на трудное послевоенное время, с ее строгой причастностью к заботам, нуждам и радостям своего особенного времени. Можно ли забыть полуголодный город, наводненный эвакуированными, потрясение от горя, которое пришло в их дом, когда без вести пропал на фронте отец Вахтанг Григорьевич Тондзе (последнее письмо от него пришло из-под Житомира); можно ли забыть раннюю седину матери, трудно добытую хлеб тех лет?

И все это — боль и печаль военной поры, достоинство мужчин, взявших в руки оружие для защиты родной земли, великая скорбь и долготерпение матерей, проводивших сыновей на фронт, — страдано, в точно найденных, впечатляющих образах отразится на полотнах молодого художника...

Был, конечно, пример деда и дяди. Но Гиви рано понял: усвоив уроки предшественников, ты должен найти себя и свое, только тогда тебя отличат от других, признают. И был как следствие этого ежедневный труд за мольбертом, упорный, настойчивый, порой — при неудачах — доводивший чуть ли не до истощения, до ярости, но такой,

без которого он уже не мог жить, который дал право после окончания училища поступить на факультет живописи Академии художеств Грузии.

— В общем-то, я человек сугубо городской, — говорит Гиви, — свой город наизусть знаю, ночью с завязанными глазами пройду — не ошибусь. И речка Дабаханка, на которой ковровщики большими щетками коври мыли и на знойном солнце целый день сушили их после, и Комсомольская аллея, и крепость Нарикала с Ботаническим садом, и Майдан, и Авлабар, Ортачала и Земель — все тут мое. Не устаю любоваться, не устаю писать свой город, потому что каждый день его новым вижу. Но и с деревней у меня отношения самые тесные. Понимаете, я, горожанин, наиболее полно и сильно открыл для себя человека в его высшем духовном проявлении — в трудовых занятиях, в продуманном, разумном слиянии с природой...

Широко известны живописные произведения Тондзе на сельскую тему: «Грузия — любовь моя», «Осень в Кахетии», «Родина нас не забудет», «Грузинская пастораль» и многие другие, прочно занявшие заслуженное место в собраниях различных музеев нашей страны.

На что прежде всего обращаешь внимание в этих «деревенских» работах художника? Крестьянин, человек труда, в самой обычной рабочей одежде, в легких сапогах или мягких чуваках на шерстяной носок, в которых так удобно ходить по горам. Он необычайно силен у Тондзе: сколько мужества и удачи в лице, сколько стати в крепком теле, и как гордо себя чувствует на отчей земле. Он хозяин здесь, он ест свой хлеб, он знает цену нелегкому счастью.

Вот одна из картин — «Грузия — любовь моя». Осенний праздник урожая. Сено скошено и уложено в аккуратные стожки, тут же пасутся стреноженные кони, подвезают всадники из соседних деревень и, надо полагать, будут азартные скачки. А толпа веселых, празднично настроенных людей окружила двух борцов, которые под звуки зурны и барабана яростно стараются ухватить один другого. И все это на фоне древней, непоколебимо крепкой, построенной на века хевсурской многоэтажной башенной

деревни. Всей системой изобразительных образов художник утверждает: жить этим духовно здоровым людям в их крепостях-домах, неподвластных ни врагу, ни непогоде, трудиться и радоваться жизни — века. Было это и будет!

Героев картин Гиви Тондзе никогда не увидишь без дела. Ему, видимо, неинтересно, просто скучно писать поясные портреты сидящих людей со спокойно сложенными руками. И вообще он тяготеет к портретам-картинам, если можно так их обозначить: несколько лиц, фигур — с занимательным, полным большого нравственного и этнографического смысла композиционным построением... Старик аккомпанирует на барабане младшему своему сыну, наигрывающему что-то на свирели, и мелодия, видимо, настолько зажигательная, что второй сын, не выдержав, поднимает ветвь с тучными гроздьями винограда, начинает танцевать. А повыше, среди пожухлых лоз, в огромном деревянном чане еще трое парней, обнявшись, мнут спелые виноградные кисти, и сладкий темный сок искрится в чаше. («Осень»).

Что же касается произведений художника на чисто городские сюжеты, то он, как было выше отмечено, весь в своей стихии. На натуре ли, в мастерской ли он ищет и всегда находит волнующие его мотивы и, несколько фантазируя, запечатлевает их на холсте. Здесь наиболее заметна его творческая манера: передать реальное с помощью неожиданных композиционных обобщений, но так, чтобы «сконцентрированная» правда жизни не выглядела условной. И можно подолгу, не уставая, разглядывать такие его произведения, как «Утро», «Уголок моего детства», «Стояли и ждали», «Нарикала», «Мтацминда», «Зима на окраине Тбилиси», «Авлабар», многие другие, каждый раз находя в них какие-то новые, неожиданные для себя подробности, не замеченные прежде детали. Картины с влекущим призывом к собственному зрительскому открытию мира.

— Я человек жадный и богатый, — сказал мне на прощание Гиви Тондзе. — Жадный на работу, богатый на таких же, как сам, работающих детей. Их у меня четверо. И уже двое из них претендуют на право называться художниками. Это мой сын Вахтанг, который в этом году закончил Академию художеств, и дочь Майя — учащаяся художественного училища имени прадеда своего Моисея Ивановича Тондзе. Так что фамилия наша, надеюсь, еще долго будет продолжаться в творческой работе...

Лариса
МЕЛИК-НУБАРОВА.

г. Тбилиси.